Проведено 1953 г.

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 46

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

ПРОВЕРЕНО
1949 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ **С. В. Иванова.**
2. Торговля у восточныхъ славянъ **С. В. Иванова.**
3. Варяги **В. М. Васнецова.**
4. Христіанство и язычество **С. И. Иванова.**
5. Судъ во время Русской Правды **И. Я. Билибина.**
6. Вѣче **А. М. Васнецова.**
7. Съѣздъ князей **С. В. Иванова.**

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ **А. М. Васнецова.**
9. Баскаки **С. И. Иванова.**
10. Дворъ удѣльнаго князя **А. М. Васнецова.**

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси **С. В. Иванова.**
12. Святѣйшій патріархъ **С. В. Иванова.**
13. Боярская дума **С. В. Иванова.**
14. Земскій Соборъ **С. В. Иванова.**
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ **С. В. Иванова.**
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ **С. В. Иванова.**
17. Воевода **С. В. Иванова.**
18. Смотръ служилыхъ людей **С. В. Иванова.**
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства **С. В. Иванова.**
20. Стрѣльцы **С. В. Иванова.**
21. Юрьевъ день **С. В. Иванова.**
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени **А. М. Васнецова.**
23. Монастырь въ Московской Руси **А. М. Васнецова.**
24. Школа въ Московской Руси **Б. М. Кустодіева.**
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ **А. М. Васнецова.**
26. Въ смутное время **С. В. Иванова.**
27. Во времена раскола **С. В. Иванова.**

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ **А. Н. Бенуа.**
29. Солдаты Петра Великаго **Д. Н. Кардовскаго.**
30. Флотъ Петра Великаго **Е. Е. Лансере.**
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени **Д. Н. Кардовскаго.**
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ **А. Н. Бенуа.**
33. Смотръ новиковъ **Д. Н. Кардовскаго.**
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ **А. Н. Бенуа.**
35. Петръ Великій **В. А. Сѣрова.**
36. Императрица Анна и ея дворъ **Д. Н. Кардовскаго.**
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. **Е. Е. Лансере.**
38. Выходъ императрицы Екатерины II **А. Н. Бенуа.**
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ **А. Н. Бенуа.**
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена **В. Я. Чемберса.**
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. **А. Н. Бенуа.**
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ **А. Н. Бенуа.**
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) **Д. Н. Кардовскаго.**
44. Въ военномъ поселеніи **М. В. Добужинскаго.**
45. Оборона Севастополя **Д. Н. Кардовскаго.**
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время **М. В. Добужинскаго.**
47. Городъ въ Николаевскія времена **М. В. Добужинскаго.**
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ **Д. Н. Кардовскаго.**
49. Люди 40-хъ годовъ **М. В. Добужинскаго.**
50. Освобожденіе крестьянъ **Б. М. Кустодіева.**

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи **Н. К. Рериха.**

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

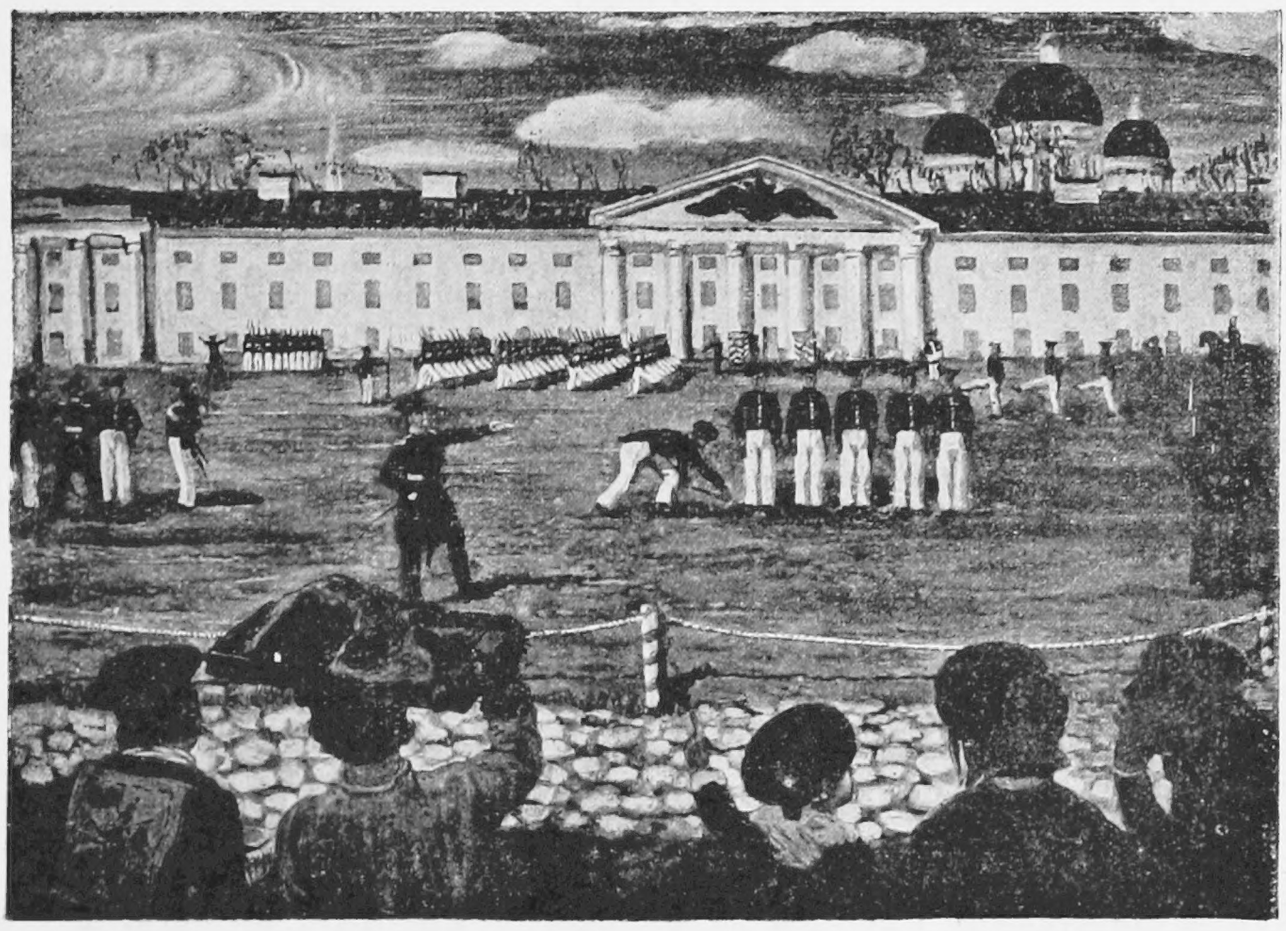
С. А. КНЯЗЬКОВА.

947
К-26
8166/46
С. П. Б. УЧИТЕЛЬСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 46.

1054/45



М. В. Добужинскій. Ученіе солдатъ въ Николаевское время.

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

Каталог

2
4819-46

родажа по цене выше обозначенной
карается по закону

система мер

Меры веса

1 тонна (*т*)=1000 килограммов (*кг*)
1 центнер (*ц*)=100 килограммам (*кг*)
1 килограмм (*кг*)=1000 граммов (*г*)
1 грамм (*г*)=1000 миллиграммов (*мг*)

Меры объема

1 куб. метр (*куб. м*)=1000 кубических дециметров=1 000 000 *куб. см*
1 куб. дециметр (*куб. дм*)=1000 куб. сантиметров (*куб см*)
1 литр (*л*)=1 куб. дециметру (*куб. дм*)
1 гектолитр (*гл*)=100 литрам (*л*)

ножения

4 × 1 = 4
4 × 2 = 8

5 × 1 = 5
5 × 2 = 10

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

5940

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Бытъ солдатъ въ эпоху Императора Николая I.

(Къ картинѣ М. В. Добужинскаго «Ученіе солдатъ въ Николаевское время»).

Военное дѣло было любимымъ занятіемъ императора Николая Павловича. «Россія страна военная»,—говорилъ онъ самъ и за нимъ твердили это всѣ придворные и сотрудники государя. Все военное почиталось поэтому и цѣнилось необыкновенно высоко, и завѣтной мечтой каждаго юноши дворянскаго происхожденія было тогда сдѣлаться военнымъ, надѣть офицерскія эполеты.

Къ концу царствованія императора Николая I въ русской арміи считалось 968.000 нижнихъ чиновъ при 27.700 офицерахъ, да запасныхъ войскъ имѣлось около 15.000 человѣкъ. Это была по числу самая большая армія въ тогдашней Европѣ. Набиралась эта армія и поддерживалась въ своемъ численномъ составѣ путемъ рекрутскихъ наборовъ. Государство было въ этихъ цѣляхъ раздѣлено на двѣ половины—восточную и западную, и каждая должна была ставить рекрутъ черезъ годъ. Для пополненія арміи ежегодно требовалось около 80.000 человѣкъ; по соотношенію къ числу жителей каждой изъ полосъ выходитъ, что населенію имперіи ежегодно приходилось выставлять по 5 рекрутъ съ каждыхъ 2.000. Во время войны наборы происходили сразу съ обѣихъ полосъ; такіе наборы назывались общими. Во время Восточной войны за три года ея продолженія было произведено 8 наборовъ, при чемъ губерніи восточной полосы выставили по 70 человѣкъ, а западной по 57 чел. съ тысячи душъ населенія, не считая ратниковъ ополченія.

Вся тяжесть пополненія арміи рекрутами лежала на податныхъ слояхъ населенія—крестьянахъ и мѣщанахъ. Отъ личной воинской повинности были освобождены дворяне; купцы, семейные священнослужителей, потомственные и личные почетные граждане; затѣмъ существовалъ еще цѣлый рядъ изъятій изъ обя-

зательной военной службы по правамъ образованія и по семейному положенію. Такимъ образомъ военная повинность всею тягостью ложилась на бѣднѣйшіе слои населенія. Въ 1848 г. изъ 24.475.000 жителей Европейской Россіи безъ царства Польскаго, Финляндіи и Кавказа, около 5 милліоновъ, т.-е. почти 20% имѣли право на освобожденіе отъ воинской повинности. Идя на всякаго рода изъятія и освобожденія, правила рекрутской повинности допускали замѣну однихъ лицъ другими и поставку охотниковъ по частному соглашенію. Эти охотники, или, какъ ихъ прозвали, наемщики, выходили изъ людей самыхъ отпѣтыхъ—пьяницъ и пропоицъ, которымъ терять было нечего. Въ то время существовалъ даже особый промыселъ—поставка охотниковъ; къ началу набора въ городахъ появлялись поставщики, которые, заранѣе подсмотрѣвъ и подговоривъ желающихъ продаться въ солдаты, платили имъ за это очень небольшія суммы, а потомъ перепродавали такихъ охотниковъ за большія деньги желающимъ замѣнить себя на рекрутской ставкѣ; за каждаго охотника и добровольно вступающаго на военную службу правительство выдавало особыя зачетныя квитанціи, и всякій, купившій такую квитанцію и предъявившій ее во время набора, освобождался отъ военной службы: считалось, что за него служитъ тотъ охотникъ, на котораго была выдана квитанція.

Рекрутская повинность для податныхъ сословій была тогда не личная, а общинная: ставили семейства каждой деревни, села или городского квартала рекрута по очереди, и въ рекруты могли попасть лица отъ 20 до 35 лѣтняго возраста; значитъ цѣлыя 15 лѣтъ взрослые мужчины податного сословія жили подъ страхомъ, что вотъ-вотъ дойдетъ до нихъ при томъ или иномъ наборѣ очередь итти, какъ тогда говорили, «подъ красную шапку».

Срокъ службы считался для нижнихъ чиновъ въ 25 лѣтъ, изъ которыхъ 15 лѣтъ солдатъ долженъ былъ находиться на дѣйствительной службѣ въ полку, а 10 лѣтъ числился въ безсрочномъ отпуску и призывался подъ знамена только въ военное время. Эта продолжительная служба съ чисто-военной стороны имѣла свои удобства—обученіе солдатъ можно было производить исподволь, затѣмъ продолжительная служба заставляла людей какъ бы вживаться въ военные интересы, воспитывала военные привычки, взгляды, вкусы; вынужденный посвятить военной службѣ лучшіе годы жизни рекрутъ, зная, что онъ бу-

детъ служить до старости, невольно становился солдатомъ, и внѣ военной службы не видѣлъ иного способа поддержать свое существованіе. Но съ другой стороны продолжительная военная служба, отрывая рекрута отъ семьи, угоняя его далеко отъ родины, лишая его прежнихъ занятій и привязанностей, ломала человѣка помимо его воли, дѣлала его «другимъ», чужимъ для близкихъ и родныхъ по привычкамъ и по всему складу жизни. Не даромъ, провожая рекрута на службу, родные плакали о немъ, какъ по покойникѣ. Эти слезы были тѣмъ обильнѣе и искреннѣе, что всѣ знали о трудностяхъ и тягостяхъ солдатской службы тѣхъ временъ.

Императоръ Николай Павловичъ унаслѣдовалъ отъ своего брата, Александра Павловича, и отъ отца, Павла Петровича, необыкновенную любовь къ военному дѣлу, особенно къ казовой, парадной, вообще внѣшней сторонѣ его. Мундиры, выпушки, петлички, ремешки, пряжки—все это была необыкновенно важная сторона въ военномъ дѣлѣ Николаевскихъ временъ, но при этомъ преслѣдовались прежде всего цѣли не удобства и гигіены, а внѣшней однообразной красивости.

Съ 1826 года вся пѣхота была одѣта въ узкій перехваченный у таліи мундиръ двубортный или однобортный, съ фалдочками сзади, въ родѣ какъ у фраковъ, только короткихъ; тѣсные рукава мундировъ имѣли перехваты у кисти; стоячій воротникъ, очень высокій и твердый, туго застегивался на нѣсколько крючковъ; онъ долженъ былъ плотно охватывать шею и доходить почти до самаго подбородка, заставляя солдата держать голову высоко и неподвижно; суконные шаровары зимой и полотняные лѣтомъ всегда, во всякую погоду носились поверхъ сапогъ; сапоги были короткіе, безъ каблуковъ и шились такъ, что сапогъ съ лѣвой ноги можно было надѣть на правую и наоборотъ; сверхъ сапогъ одѣвались суконныя гамаши на пяти или шести пуговицахъ. Головной уборъ состоялъ изъ тяжелаго, высокаго, въ $5\frac{1}{2}$ вершковъ кивера, похожаго на опрокинутый вверхъ основаніемъ конусъ; при парадной формѣ на киверъ надѣвали цилиндрическій стоячій султанъ въ 11 вершковъ длиною, такъ что общая высота головного убора достигала $16\frac{1}{2}$ вершковъ!

Въ казармахъ, вообще внѣ ученья, дозволялось носить фуражки безъ козырька съ широкимъ блинообразнымъ дномъ. Въ 1844 г. кивера были замѣнены касками вродѣ теперешнихъ прус-

скихъ. Эти каски были такія же тяжелыя, какъ и кивера, но для носки все же были удобнѣе и не такъ жали голову. Длинныя почти до полу шинели сѣраго сукна со стоячимъ воротникомъ, не прикрывавшимъ ушей, шились съ перехватомъ по таліи. Патронная сума носилась назади подъ ранцемъ на широкомъ ремнѣ, который надѣвался черезъ лѣвое плечо, а тесакъ съ рукавицами и штыковыми ножнами на такомъ же ремнѣ черезъ правое плечо, такъ что оба ремня перекрещивались на спинѣ и на груди. Ранецъ носили до 1834 г. на двухъ плечевыхъ ремняхъ, соединенныхъ на груди третьимъ. Кромѣ того каждому солдату полагалось нести что-нибудь изъ шанцевого инструмента—топоръ, или лопату, или кирку. Всѣ эти ремни пригонялись очень туго, сжимали грудную клѣтку и затрудняли дыханіе; затѣмъ эти ремни и ремешки, полагавшіеся бѣлаго и чернаго цвѣта, отнимали у солдатъ массу времени и труда на отбѣлку или черненіе. Это бѣленіе амуничныхъ ремней современникъ называетъ «каторжной работой», а самые ремни «двойными веригами». «Бѣленіе амуниціи состояло въ томъ, что разводили клей; всыпали въ него тертый мѣлъ, натирали на амуниціи толстый слой этой смѣси, сушили, а потомъ наводили глянецъ костью,—«зубомъ». Это искусство доведено было до совершенства; амуниція казалась будто выточенною изъ слоновой кости, и въ строю эффектъ всѣхъ этихъ крестовъ былъ великолѣпный. Но политура отъ жары трескалась, отъ пыли чернѣла, а въ сырое время, особенно послѣ дождя, портилась и расползалась, такъ, что смотрѣть на нее было отвратительно». Чуть ли не все время солдатскаго отдыха уходило на эту чистку. Почти такого же рода обмундированіе было, только болѣе цвѣтистое, въ кавалеріи и артиллеріи. Сукно, изъ котораго изготовлялись мундиры, было толстое, похожее на нынѣшнее солдатское шинельное. Лѣтомъ носили тѣ же суконные мундиры, что и зимой.

Вооруженіе солдата пѣхотинца состояла изъ кремневаго ружья почти въ полпуда вѣсомъ, съ трехграннымъ штыкомъ и тесака. Пуля была круглая и вѣсила 10 золотниковъ, пѣхотное ружье стрѣляло на 300 шаговъ, драгунское на 250, а пистолеты всего на тридцать. Мѣткость этихъ ружей на разстояніи 100—200 шаговъ была удовлетворительна; въ минуту можно было сдѣлать не болѣе одного выстрѣла, да и то въ хорошую погоду, такъ какъ во время дождя насыпаемый, на такъ называемую, полку замка порохъ, служившій для

воспламененія заряда помощью кремня, вспыхивалъ не сразу. Ружья заряжались съ дула; вслѣдствіе чего солдату во время боя нельзя было укрываться лежа, или стрѣлять съ колѣна, потому что послѣ каждаго выстрѣла приходилось вставать для заряженія ружья. Потеря или поломка шомпола—желѣзнаго прута, которымъ забивалась пуля, ставила солдата въ невозможность стрѣлять изъ ружья. Съ 1842 г. стали вводить вмѣсто кремневыхъ ударныя ружья, съ пистономъ, но это дѣлалось очень медленно, и подъ Севастополемъ большинство солдатъ все еще имѣли кремневыя ружья.

Ружья для красоты снабжались множествомъ мѣдныхъ скобочекъ, гаекъ, винтовъ, а стволы и вообще желѣзныя части не покрывались краской и должны были всегда блестѣть, начищенные кирпичемъ и пескомъ; эта чистка, имѣвшая въ виду только внѣшній блескъ, часто портила ружья; прицѣла у ружей не было. Съ этими-то ружьями пришлось нашимъ солдатамъ биться подъ Севастополемъ съ непріятелемъ, у котораго ружья хватали на 1200 шаговъ прицѣльнаго боя, тогда какъ наши могли отвѣчать только съ 300 шаговъ, да и то безъ прицѣла.

«На счетъ ружей, — пишетъ современникъ, — требовалось только, чтобы всѣ металлическія части блестѣли, что достигалось чисткою кирпичемъ; кромѣ того начальство добивалось, чтобы при ружейныхъ пріемахъ, каждый пріемъ отчеканивался, а это возможно было тогда, когда ружье было расшатано и развинчено до степени дребезжанія». Механизмъ ружей осматривался разъ въ годъ. Въ результатѣ солдаты стрѣляли изъ ружей на двѣ трети общаго числа ихъ въ полку негодныхъ, испорченныхъ чисткой, растрясенныхъ пріемами, стрѣляли наугадъ, какъ кому заблагоразсудится; офицеры не могли учить солдатъ стрѣльбѣ потому, что сами не стрѣляли и не умѣли стрѣлять». И на смотровой стрѣльбѣ въ цѣль съ 200 шаговъ изъ 200 выпущенныхъ пуль лишь десятая часть попадала. Эта была жалкая стрѣльба и такъ стрѣлялъ лучшій полкъ русскаго войска. «Эти результаты,—пишетъ современникъ,—такъ же, какъ и состояніе ружей, были, конечно, извѣстны во всѣхъ подробностяхъ англійскому и французскому военному министерству. Наполеонъ III, самъ бывшій артиллеристъ, отлично понялъ, взвѣсилъ и оцѣнилъ всю важность такихъ данныхъ какъ система обученія, боевая подготовка и состояніе оружія въ русскихъ войскахъ. Все это послужило, если не главною, то

1-й Лен. Гос. Пед. ин-т
105-7/43
БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

все-таки одной изъ наиболѣе вѣскихъ причинъ, почему французскій императоръ такъ смѣло рѣшился какъ можно скорѣе вызвать Россію на бой».

Артиллерія была вооружена гладкими бронзовыми пушками и единорогами; пушки стрѣляли ядрами, а единороги гранатами, которыя по виду были такіе же чугунные шары, только начиненные порохомъ и разрывавшіеся на части; кромѣ того и пушки и единороги стрѣляли картечью. Ядра хватали при выстрѣлѣ на 600 саженъ, гранаты нѣсколько менѣе, а картечь всего на 250 саженъ. Съ такими орудіями мы и пошли противъ французовъ и англичанъ, высадившихся въ Крыму. Въ первомъ же сраженіи наша артиллерія была поставлена въ невозможность дѣйствовать, потому что непріятельскіе стрѣлки изъ своихъ ружей, хватавшихъ далѣе, чѣмъ наши пушки, били и лошадей, и прислугу при орудіяхъ. Такъ въ тяжелую минуту военной страды наша армія, на содержаніе которой тратились огромныя средства—до 43% всего бюджета—оказалась отсталой по своему вооруженію отъ противника. Произошло это отъ того, что главная задача обученія арміи заключалась не въ томъ, чтобы научить солдата владѣть хорошимъ орудіемъ на войнѣ, а въ томъ, чтобы добиться отъ войсковыхъ массъ красивости движеній, удивительной выправки, маршировки, блестящаго умѣнья дѣлать ружейные пріемы и т. п.

Въ сущности все обученіе пѣхоты ограничивалось маршировкой, стрѣльбой залпами холостыми патронами—это называлось «ученьемъ съ порохомъ»—щегольствомъ и чистотой ружейныхъ пріемовъ и идеальнымъ однообразіемъ въ стойкѣ. О физическомъ и нравственномъ развитіи солдата не заботились вовсе. Обученіе фехтованію и гимнастикѣ совсѣмъ не производилось, стрѣльбой тоже почти не занимались, и многіе пѣхотные солдаты часто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ службы не дѣлали ни одного боевого выстрѣла: на боевую стрѣльбу и отпускалось въ годъ всего по 10 зарядовъ на солдата, да и тѣ шли большею частью на обученіе лучшихъ стрѣлковъ. Стрѣльбѣ вообще придавали тогда мало значенія, и какъ неоспоримая истина господствовала старинная поговорка «пуля дура, а штыкъ молодецъ»; эта поговорка и давала направленіе всему обученію солдатъ военному дѣлу. Постоянные успѣхи наши надъ войсками персіанъ, турокъ и кавказскихъ горцевъ, всегда дѣйствовавшихъ по преимуществу холоднымъ оружіемъ, только подтверждали господствовавшее тогда мнѣніе о маломъ значеніи огня въ бою. Поэтому, не

смотря на то, что всѣ сосѣднія арміи послѣ изобрѣтенія ударнаго нарѣзнаго оружія, вооружились новыми ружьями и обратили особенное вниманіе на стрѣльбу, у насъ пѣхоту обучали исключительно одному сомкнутому строю и маршировкѣ.

Все обученіе заключалось въ математически точномъ, однообразномъ исполненіи на казарменномъ плацу десятками батальоновъ уставныхъ построеній. Всѣ ученія заканчивались церемоніальнымъ маршемъ, который составлялъ особый предметъ обученія и занималъ не малое количество времени. Однообразіе и стройность обученія доходили до того, что цѣлая пѣхотная дивизія изъ четырехъ полковъ, т. е. не менѣе 9000 человѣкъ, построенная въ колонны, исполняла всѣ движенія, двигаясь въ ногу, не сбиваясь при поворотахъ и сохраняя идеальное равненіе по фронту и въ глубину. Ружейные пріемы цѣлыхъ полковъ поражали своей «чистотой». Полная неподвижность и тишина въ строю были доведены до совершенства. Въ этомъ мертвомъ молчаніи войскъ, въ этихъ ловкихъ и однообразныхъ ружейныхъ пріемахъ и безукоризненномъ церемоніальномъ маршѣ по тогдашнимъ взглядамъ, заключался залогъ успѣха на войнѣ. Крымская кампанія не замедлила доказать, какъ глубоко заблуждались наши командиры. А между тѣмъ сколько труда, сколько по истинѣ кроваваго пота и нечеловѣческихъ усилій тратилось на показную парадную премудрость, совершенно ненужную на боевомъ полѣ. И какими средствами достигались эти парадные успѣхи! палки, зуботычины, несносныйшая брань, розги, прогнаніе сквозь строй—вотъ тѣ средства обученія, при посредствѣ которыхъ солдатъ николаевскихъ временъ постигалъ свое трудное дѣло.

Это была дѣйствительно страда. Въ ходу былъ тогда въ военномъ обществѣ шуточный вопросъ: «какая разница между ученьемъ, мученьемъ и сѣченьемъ?» Отвѣтъ: «никакой!» Современникъ, кн. П. К. Имеретинскій, служившій въ первомъ полку русской арміи, въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ, разсказываетъ о «непрактичныхъ, неудобоисполнимыхъ условіяхъ тогдашняго фронтового обученія», которыя «были одинаково тягостны для учителей и для учащихся». «Солдатъ,—разсказываетъ кн. П. К. Имеретинскій,—держалъ тогда ружье на плечѣ не правой рукой и не наклонно, какъ теперь, а напротивъ,—отвѣсно и прямо, въ лѣвой рукѣ, такъ что стволъ и штыкъ торчали вверхъ перпендикулярно плечамъ. Извѣстно, что почти у каждаго чело-

вѣка лѣвая рука гораздо слабѣе правой. Поэтому у солдата, поднимавшаго при тихомъ шагѣ ногу на полъ-аршина отъ земли, вся лѣвая сторона лишалась точки опоры, такъ что онъ инстинктивно кривился на право, чтобы не лишиться равновѣсія; когда же лѣвая нога вновь опускалась на землю, солдатъ опять-таки невольно прислонялся къ ружью и выгибалъ лѣвый бокъ вогнутою линіей. Такія искривленныя фигуры начальство называло «кренделями» и приказывало выправлять до отвѣснаго положенія. Но стойка—это вѣдь только начало премудрости. Надлежало обучить каждаго рядового ружейнымъ пріемамъ, а ихъ было 48! каждый пріемъ дробился на нѣсколько темповъ, а темпы на подраздѣленія. Кромѣ того слѣдовало обучить маршировкѣ тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ,—и это все еще не бѣда! *) Настоящая муштра начиналась съ того дня, когда приходила пора сводить и прямолинейныхъ и «крендолей»—въ ротный, батальонный и полковой строй. Тутъ уже задача усложнялась до крайности: надо было добиться, чтобы каждый солдатъ металъ ружьемъ и маршировалъ, какъ всѣ остальные, и наоборотъ, чтобы вся масса дѣлала ружейные пріемы и двигалась, какъ одинъ человѣкъ! Между тѣмъ, въ полутемномъ манежѣ, а особенно на плацу, при солнечномъ освѣщеніи, правильность ружейныхъ пріемовъ, при большомъ протяженіи фронта, провѣрять было непмовѣрно трудно»... На это былъ нуженъ особый путь долголѣтней ревностной службы, искусившійся въ шагистикѣ и фронтовой премудрости глазъ. Такимъ глазомъ обладалъ командиръ Преображенскаго полка, генералъ майоръ А. В. Жерковъ.

«Ястребиный глазъ Жеркова,—разсказываетъ кн. Имеретинскій,—подмѣчалъ всѣ неправильности и распознавалъ ихъ причины—невниманіе, неумѣлость, суетливость. Тогда онъ голосилъ громовымъ басомъ: «От-ста-вить!» и сейчасъ же принимался читать мораль: «Седьмой взводъ! протоканалы!.. Спячка

---

*) На картинѣ изображено обученіе фронту и маршировкѣ молодыхъ солдатъ описываемой эпохи на плацу передъ казармами типичной Николаевской стройки. На заднемъ фонѣ видно, какъ идетъ обученіе маршировкѣ и фронту отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ (направо) командъ. Въ средней части картины унтеръ мѣркою размѣриваетъ разстояніе носковъ при стойкѣ; въ лѣвой части идетъ распеканіе провинившагося солдата; унтеръ съ нашивками докладываетъ вину офицеру; въ правой части солдатъ въ полномъ снаряженіи поставленъ въ наказаніе подъ ружье.

на васъ напала?.. Ну, смотри, какъ бы я васъ не разбудилъ! . А во второмъ взводѣ горячку порятъ?.. Вѣдь сказано: выдерживай!.. Да что я сто разъ вамъ буду повторять что ли?» Отъ зоркаго взгляда командира не ускользали люди, стоявшіе позади, за тремя шеренгами у самой стѣны манежа; Жерковъ все видѣлъ и кричалъ такому запрятанному, думавшему, что его не видно, и небрежно махавшему ружьемъ унтеръ-офицеру: «Караськовъ! Караськовъ!.. Ты воображаешь, что я не вижу, какъ ты тамъ ружьемъ помахиваешь? Ну, помахай, помахай... Я-те галуны-то смахну!» (т. е. разжалую въ рядовые). Такая проницательность наводила страхъ, и когда командиръ повторялъ пріемъ, лѣнивенькіе подбирались, горяченькіе умѣряли свой пылъ, и тысяча ружей взлетали и сверкали вверхъ и внизъ какъ одно ружье!

Ученье становилось еще серьезнѣе, когда приходила очередь маршировкѣ развернутымъ и сомкнутымъ строемъ. Жерковъ понималъ, что это изъ всѣхъ задачъ труднѣйшая и становился на высотѣ своего положенія... Онъ кипятился и гремѣлъ на весь манежъ: «Господъ прошу ногу держать!.. А унтеръ-офицерамъ смотрѣть на господъ!.. А люди!.. вниманіе!» Потомъ онъ командовалъ, колонна двигалась, но сначала движеніе не клеилось. Не только солдаты, но и господа офицеры съ перепуга не сразу попадали въ тактъ; «кренделя» сбивались съ ноги и путали свою шеренгу,словомъ, дѣло выходило дрянь! Вотъ тогда-то при малѣйшей затяжкѣ, колѣбаніи или учащеніи шага, Жерковъ неистово кричалъ: «Сто-о-о-й!» Сначала начиналось распеканіе офицеровъ: «Подпоручикъ Н... куда вы смотрите? воронъ считаете! Идите въ затылокъ! Прапорщикъ Т.! перемѣните ногу... вѣдь вы во фронтѣ ходите, а не по Невскому шляетесь!..» и прочее все въ такомъ же грубомъ и оскорбительномъ тонѣ. Потомъ онъ вдругъ затихалъ и переходилъ въ разговорный тонъ, чего Боже упаси! Эти разговоры были страшнѣе крика и распеканья, потому что въ подобныхъ случаяхъ отецъ-командиръ велъ слѣдующій разговоръ: «Капитанъ Швецакъ, у васъ тамъ въ 3-мъ взводѣ во 2-й шеренгѣ какіе-то три подлеца все танцуютъ» Несчастный капитанъ бѣгалъ по фронту, заглядывалъ, загадывалъ и все-таки не могъ различить «трехъ подлецовъ». Но Жерковъ давно ихъ различилъ и спокойно говорилъ: «Позвольте-ка, я вотъ сейчасъ до нихъ доберусь!..» Онъ втис-

кивался въ глубину колонны и, среди мертвой тишины, слышалось, какъ командирскіе кулаки громыхали по всѣмъ тремъ танцорамъ. Въ такія минуты душа солдатская уходила въ носки и пятки»...

«Стоитъ сказать нѣсколько словъ о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ въ лагеряхъ, когда происходили ученья «съ порохомъ и артиллеріей», т. е. когда стрѣльба производилась холостыми зарядами. Если, напримѣръ, ученье было назначено въ 7 часовъ утра, то солдатъ будили въ 4, и къ пяти они были готовы. Этимъ начиналось утро, крайне тягостное для солдатъ, которыхъ начинали будить гораздо раньше назначеннаго для ученья времени. Полусонный и голодный полкъ шелъ пять верстъ до военнаго поля, а ученье угоняло его еще столько же и даже еще дальше отъ лагеря. Начиналось ученье въ 6 часовъ утра, а кончалось въ 11, да еще до лагеря надо было пройти пять верстъ. Для большихъ ученій случалось, что войска поднимались ночью, а возвращались около 4 часовъ пополудни. «Возвращеніе домой съ такого ученья,—пишетъ кн. Имеретинскій,—было похоже на отступленіе съ поля битвы послѣ проиграннаго сраженія. Вездѣ тащились отсталые; иной солдатъ лежалъ на землѣ поспнѣлый и ему пускали кровь; при каждомъ ручьѣ, при каждой лужѣ, солдаты ложились на землю и жадно глотали воду прямо изъ источника. Офицеры срывали съ себя шарфы, ранцы, снимали каски, растегивались, садились въ фургоны или на верховыхъ лошадей штабъ-офицеровъ и адъютантовъ, которые, забывая всякій страхъ отвѣтственности, уѣзжали въ лагерь на извощикахъ»...

Итакъ, солдатъ встрѣчалъ день нерадостно: ранній подъемъ безъ всякой надобности, суета, гроза палокъ и кулаковъ, усталость до изнеможенія, наконецъ, по приходѣ въ лагерь или по возвращеніи въ казармы, чистка и уборка до 11 часовъ, т. е. до обѣда. Обѣдъ состоялъ изъ щей или гороховаго супа и каши. Мяса (изъ щей) полагалось по 1 фунту на недѣлю, стало быть, меньше 14 золотниковъ въ день! постами мяса совсѣмъ не полагалось. «Вообще, —пишетъ кн. Имеретинскій,—съ продовольствіемъ солдатъ обращались съ непростительною небрежностью. Количество продуктовъ, влагаемыхъ въ котелъ, никѣмъ изъ офицеровъ не опредѣлялось, такъ что и кашеваръ самъ не зналъ въ точности ,сколько чего онъ туда клалъ. Повседневнаго контроля ни съ чьей стороны не было никако-

го.» Качество пищи, благодаря злоупотребленіямъ фельдфебелей и прочаго мелкаго солдатскаго начальства, очень часто было далеко не перваго сорта. Послѣ обѣда полагалось спать, а потомъ съ трехъ или четырехъ часовъ снова начиналось ученье до 7½ час., когда ужинали. Ужинали щами или супомъ, оставшимся отъ обѣда. «За обѣдомъ, обыкновенно, солдаты вычерпывали всю порубленную говядину, такъ что къ ужину оставалась одна жижа».

«Служба рядового была двадцатипятилѣтняя. Стало-быть, цѣлую четверть вѣка проходили солдаты ту жестокую фронтовую школу, какую я,—говоритъ кн. Имеретинскій,—при всей доброй волѣ едва ли могу вѣрно списать съ натуры. На рядовыхъ выѣзжало всякое самолюбіе, всякая фантазія, всякій капризъ начальства. Солдаты были вѣчные труженики, и когда они, разбитые, устарѣвшіе, почти увѣчные, возвращались на родину, то не находили ни семьи, давно вымершей или выселенной, ни дома, ни куска земли, словомъ, попадали въ отчаянное положеніе. Тяжело говорить о жалкомъ житьѣ-бытьѣ этой забитой и только на смотрахъ блестящей массы людей! Сколько бы я ни писалъ, все же не могъ бы сдѣлать такой вѣрной и мѣткой характеристики тогдашняго военнаго быта, какую высказалъ въ нѣсколькихъ словахъ здравый смыслъ тѣхъ же бездольныхъ тружениковъ. Шли мы какъ-то разъ учиться на Царицынъ лугъ. Въ рядахъ завязался разговоръ:

1-й солдатъ: «Вотъ теперь манежъ отдохнетъ, а Царицыну лугу достанется работы!»

2-й солдатъ: «Зато, братецъ ты мой, зимой манежъ проспится, да вдвое отработаетъ!»

3-й солдатъ: «Уйдемъ въ лагерь, такъ и манежъ и плацъ отдохнутъ.»

4-й солдатъ: «А вотъ мы никогда не отдыхаемъ!» (Общій хохотъ)

1-й солдатъ: «Небось, дай срокъ—въ могилѣ отдохнемъ!» (Тяжелые вздохи).

Тогдашняго рекрута гнали за тысячи верстъ отъ мѣста родины, и семья плакала о немъ какъ о покойникѣ. Пригоняли его въ новыя мѣста, въ новую среду, гдѣ ему приходилось жить въ обстановкѣ безплодной тяжкой работы съ кулачною и палочною расправою, вмѣсто заработковъ. Сколько разъ,

послѣ ученья, случалось мнѣ быть очевидцемъ такъ называмыхъ солдатскихъ досуговъ. Только и слышишь бывало: «Эхъ, ты жизнь наша каторжная! учишься, учишься, а все не доучишься! Чистишь, чистишь (амуницію), и все не вычистишься!».

Поощренія солдатъ были очень ограничены. Медаль на аннинской лентѣ за двадцатилѣтнюю безпорочную службу въ строю; шевроны и нашивки на рукавѣ мундира за 10 и 15 лѣтъ службы; производство въ унтеръ-офицеры да изрѣдка денежныя награды—вотъ и все. Зато взысканія и наказанія сыпались за все, про все, безъ счету. Особенно процвѣтали тѣлесныя наказанія. Полковой командиръ могъ дать рядовому до 800 розогъ. «Цифра, эта конечно, не опредѣлялась официально какъ предѣльная, но разумѣлась сама собой, такъ какъ самая крѣпкая натура не могла бы больше перенести». Вмѣстѣ съ кулачной расправой розги и палки являлись основными средствами воспитанія и обученія солдатъ. Невозможная ругань считалась необходимостью въ обращеніи старшихъ съ младшими въ чинѣ или по положенію. Отъ такой обстановки, по словамъ кн. Имеретинскаго,—«самые благонравные и тихіе солдаты приходили въ отчаяніе, испытывая ежедневно горькую долю служебной тяготы, а главное—предвидя такую участь въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ . Рекрута и молодые солдаты рѣшительно не выносили такой жизни и бѣгали изъ полка «очертя голову», и не смотря на то, что бѣглецовъ всегда и очень скоро ловили, а потомъ наказывали съ безпощадной строгостью, побѣги постоянно повторялись. «Немногіе изъ нынѣшнихъ служащихъ,—говоритъ кн. Имеретинскій,—помнятъ наказаніе шпицрутенами, но я, свидѣтель многихъ экзекуцій, могу сказать съ увѣренностью, что они могли ужаснуть самаго твердаго человѣка. Пятьсотъ человѣкъ солдатъ становились шпалерою. У каждаго въ рукахъ была толстая розга, лучше сказать—тонкая палка. Виновнаго раздѣвали до пояса , и онъ проходилъ, т. е. пробѣгалъ, что было мочи, по этой страшной аллеѣ. Каждый солдатъ спѣшилъ влѣпить въ спину бѣгущему свой лозанъ. За этимъ велѣно было строго наблюдать. Но не смотря ни на какія строгія приказанія, не только офицеры, но даже фельдфебеля смотрѣли сквозь пальцы на исполненіе; многіе даже отворачивались. Въ мое время рѣдко прогоняли болѣе чѣмъ черезъ 500

человѣкъ, но, по свидѣтельству старыхъ офицеровъ, въ аракчеевское время—нормою служила 1000 человѣкъ. Большинство солдатъ били очень легко,—только шмыгали палочки по спинѣ для формы; однако же изъ 500 солдатъ не всѣ оказывались такъ милостивы, и двойной ударъ на каждомъ шагу, особенно чувствительный на морозѣ, наконецъ, сильное нравственное потрясеніе,—все это заставляло несчастнаго кричать и стонать такъ сильно, что вопли его были слышны не смотря на неумолкаемую дробь барабановъ всего батальона.»

Тяжкій бытъ, въ обстановкѣ котораго шла жизнь солдата, вносилъ сѣмена разрушенія нравственной и физической силы въ «блестящую по виду» армію, какъ читаемъ въ запискѣ, представленной Императору Николаю Павловичу около 1841 г., генераломъ Кутузовымъ. Разрушеніе нравственной силы, по мнѣнію Кутузова, состоитъ въ потерѣ уваженія нижнихъ чиновъ къ своимъ начальствамъ, что произошло отъ предосудительнаго обращенія главныхъ начальниковъ съ подчиненными имъ офицерами: передъ фронтомъ нижнихъ чиновъ ихъ бранятъ, стыдятъ и поносятъ. Разрушеніе физическихъ силъ арміи заключается, говоритъ Кутузовъ, въ способѣ обученія арміи. Четвертая часть арміи исчезаетъ ежегодно отъ необыкновенной смертности и отъ неспособности къ службѣ отъ болѣзней. Изъ отчета дѣйствующей арміи за 1835 г. видно, что по спискамъ состояло 231099 чел., заболѣло 173892 чел.; слѣдовательно, болѣе половины арміи находилось въ госпиталяхъ; умерло 11023 чел., т. е. двадцатый человѣкъ. Зная по опыту, что неспособныхъ бываетъ $^1/_4$ часть противу умершихъ, выходитъ, что слишкомъ 15000 выбываютъ ежегодно. У Суворова не всегда и на 500 человѣкъ былъ одинъ больной, а нынѣ на 500 человѣкъ одинъ здоровый! Происходитъ это отъ того, что рекрутъ тотчасъ по приводѣ въ полкъ подвергаютъ всѣмъ тягостямъ обученія, отчего между ними рождается болѣзнь, извѣстная подъ именемъ тоски по отчизнѣ, болѣзнь неизлѣчимая, ибо истощая душевныя силы, уничтожаетъ силы физическія. Затѣмъ, для обученія принята метода, гибельная для жизни человѣческой, Солдата тянутъ вверхъ и внизъ въ одно время: вверхъ для какой-то фигурной стойки, внизъ для вытяжки ногъ и носковъ. Солдатъ долженъ медленно, съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ и нервъ,

Новая цена
Руб. — коп. 08

вытянуть ногу въ половину человѣческаго роста, и потомъ быстро опустить ее, подавшись на нее всѣмъ тѣломъ; отъ этого вся внутренность, растянутая и безпрестанно потрясаемая, производитъ чахотки и воспалительныя болѣзни, такъ что часто повидимому ничтожная болѣзнь превращается въ смертельную, потому что при поврежденіи внутренняго организма природа не можетъ сопротивляться и малѣйшему на нее нападенію.

Къ этому, можно сказать, гибельному обученію присоединилась мысль пересоздать человѣка: требуютъ, чтобы солдатъ шагалъ въ 1½ аршина, когда Богъ создалъ ему ноги шагать въ аршинъ! Слѣдовательно, къ растяженію внутренностей присоединилось растяженіе связокъ ножныхъ. Отъ этого войско не въ состояніи будетъ дѣлать тѣхъ изумительныхъ переходовъ, которые дѣлали солдаты суворовскихъ временъ... Слѣдствіе нынѣ принятой методы обученія можно видѣть весною на площадяхъ: солдатъ послѣ всѣхъ вытяжекъ и растяжекъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ въ день, по два часа на пріемъ, идетъ въ казармы, какъ разбитая на ноги лошадь! Присоединяя къ этому дурное лѣченіе и содержаніе солдатъ въ госпиталяхъ (изъ отчета арміи за 1837 г. видно, что въ госпиталяхъ умираетъ 15-й человѣкъ, а въ лазаретахъ—28-й) надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается»...

Такъ писалъ о состояніи арміи довѣренное лицо государя, его генералъ-адъютантъ. Значитъ, тогда видѣли, знали и понимали гибельныя послѣдствія принятой системы обученія и воспитанія войскъ, но ничего не измѣняли, и фронтовое ученіе, парадъ, церемоніальный маршъ, казалось, были единственными цѣлями существованія арміи; о войнѣ, пригодности для военнаго поля парадной премудрости думали мало; заядлые фронтовики старались даже не думать о войнѣ—««война портитъ фронтъ» говорили они, и отъ этого опьяненія фронтомъ далеко не всѣхъ разбудилъ даже громъ непріятельскихъ пушекъ подъ Севастополемъ, когда наша забитая, задерганная, плохо вооруженная и еще хуже обученная настоящему военному дѣлу армія, предводимая въ большинствѣ случаевъ генералами, хорошо знавшими фронтовое, а не военное дѣло, не смотря на героическіе труды свои и потоки пролитой крови, должна была оставить Севастополь непріятелю.

5640

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ*, *предкахъ русскаго народа*, *объ ихъ торговлѣ*, *о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси*, *о судѣ*, *объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, да-
ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указы
реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

2
4819-4

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуема
какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворит
посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.